

УДК 82 Чехов. 06
ББК 83.3. (2Рос = Рус) 1-8
Чехов А.П.

В.П. Ходус

**«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ»
А.П. ЧЕХОВА**

Представлен анализ особого типа прозаических текстов А.П. Чехова, структурно приближающихся к энциклопедической статье. В процессе исследования доказывается возможность рассмотрения своеобразной «Энциклопедии жизни» в творчестве и метапоэтике А.П. Чехова.

Ключевые слова: *прозаический текст А.П. Чехова, метапоэтический дискурс, текст как энциклопедия.*

Ходус Вячеслав Петрович – канд. филол. наук, доцент Ставропольского государственного университета
Тел.: 8(8652) 94-49-10
E-mail: xodusvp@yandex.ru

© В.П. Ходус, 2009 г.

Особенность метапоэтики (кода авторской самоинтерпретации) А.П. Чехова состоит в том, что в его художественном прозаическом тексте выкристаллизовывается «Энциклопедия жизни», написанная самим художником. По сути, весь прозаический текст А.П. Чехова — это особая энциклопедия. «Энциклопедия жизни» — это такое объединение типологически однородных по структуре и принципу описания текстов А.П. Чехова, в которых в сатирическом плане отражается знание о мире автора. Эти тексты, написанные в разное время, структурно и содержательно приближаются к энциклопедической статье и тематически представляют широкое разнообразное знание человека о мире.

Вопрос о соотношении текста художественного произведения с энциклопедией рассматривает У. Эко. Для него важен момент не только корреляции формально-содержательной стороны текстов, но и определение двух характеристик: *энциклопедия* и *словарь*. И словарь, и энциклопедия — это тексты, цель которых — зафиксировать имеющиеся у общества знания (мнения) о значении употребляемых в этом обществе знаков (прежде всего слов и построенных из них выражений). У. Эко отмечает: «Ситуативные предпочтения кодируют возможное сочетание того или иного слова с внешними обстоятельствами (ситуациями)... подобные обстоятельства — в той мере, в какой они поддаются учету в *энциклопедии*, — могут выступать в качестве элементов другой семиотической системы.

По сути дела, ситуативные предпочтения оказываются задействованными только тогда, когда адресат ассоциирует воспринимаемое выражение с самим актом высказывания и с экстравербальным окружением. В повествовательных текстах даже сведения подобного рода получают словесное выражение, т.е. даже внешние обстоятельства описываются языковыми средствами. Иначе говоря, ситуативные предпочтения становятся контекстуальными. Использование контекста и (закодированных обстоятельств) опирается на тот факт, что энциклопедия включает в себя также и интертекстуальную компетенцию: каждый текст отсылает к предшествующим текстам» [Эко, с. 39]. Словарь, по своей сути, — это «переодетая энциклопедия». У. Эко указывает и на то, что с точки зрения развиваемой им теории можно «принять предложение Уилсона, для которого словарная статья — это своего рода энциклопедическая статья, представляющая общее ядро фактических мнений о референте данного слова, с той лишь поправкой, что вместо мнений о референте данного слова следует говорить о фактическом культурном определении, которое общество соглашается принять для данной единицы содержания.

Энциклопедия же более амбициозна. Она должна давать сведения о поведении определяемого выражения в разных контекстах и при разных обстоятельствах. С точки зрения структуры, словарь стремится быть родо-видовой моноиерархией («Порфириевым деревом»), но это у словаря все равно не получается, так как в нем нет возможности выражать необходимые различия между терминами. Энциклопедия же с самого начала строится как сеть, в которой любые единицы могут быть связаны с любыми другими» [Эко, с. 473].

В творческом наследии А.П. Чехова, среди его ранних рассказов, представлены произведения, которые редко анализируются и типично называются *перечнями*. Они не принадлежат к числу хрестоматийных произведений и используются в качестве примеров «пробы пера» или «чеховской иронии». Эти тексты, действительно, по жанровым характеристикам нельзя отнести ни к рассказам, ни к повестям, ни к новеллам и проч. Однако роль их немаловажна при исследовании метапоэтики А.П. Чехова и его творческого метода.

При рассмотрении семиологического факта первого произведения обнаруживается, что одно из первых произведений А.П. Чехова — «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.?». По структуре — это своеобразный список наиболее частотных в литературе штампов и прозаических клише, встречающихся в текстах современной А.П. Чехову литературы. Построение списка и его наполненность позволяют читателю достаточно четко представить пласт «массовой литературы» второй половины XIX в. В едином текстовом пространстве в сжатой форме А.П. Чехову удается передать все виды и типы отношений, характеров, событий, которые ожидают читателя большинства произведений. Текст

«Что чаще всего встречается в рассказах, повестях и т.п.?» — это четкий ответ на вопрос, содержащийся в заглавии. В этом рассказе-исследовании А.П. Чехов представляет своеобразную энциклопедическую справку о литературном пространстве, что впоследствии становится одной из примет творческой манеры писателя.

В заглавии «Что чаще всего встречается в рассказах, повестях и т.п.?» уже содержится метапоэтическая рефлексия над литературной деятельностью. Это произведение, как отмечалось, одно из первых в творческой судьбе А.П. Чехова, а первое произведение является особым семиологическим фактом всего художественного пространства художника. К.Э. Штайн отмечает: «Как эстетический объект первое произведение уступает зрелому творчеству, но в контексте идиостиля это знак особого рода — знак инициации, он имплицитно связывает с предшествующими и эксплицитно отношения с последующими текстами в большом контексте творчества художника. Это точка отсчета, единство... Первое произведение может стать основой для осмысления культурного сознания автора» [Штайн, с. 4]. В академическом Собрании сочинений исследователи определили связь этого текста с последующим творчеством, указывая на реестры в эпистолярных текстах: «Реестры литературных трюизмов и штампов Чехов составлял для себя и позднее. «Неверных жен, самоубийц, кулаков, добродетельных мужиков, преданных рабов, резонирующих старушек, добрых нянюшек, уездных остряков, красноносых капитанов и „новых“ людей постараюсь избежать» (письмо к А.С. Суворину от 11 марта 1889 г.). «Отставные капитаны с красными носами, пьющие репортеры, голодающие писатели, чахоточные жены-труженицы, честные молодые люди без единого пятнышка, возвышенные девицы, добродушные няни — все это было уж описано и должно быть объезжаемо, как яма» (письмо к Ал. П. Чехову от 8 мая 1889 г.)» [Громов, с. 560]. Анализ художественного пространства показывает, что рассказы-перечни достаточно часто встречаются в творчестве писателя.

В период раннего творчества (до создания повести «Степь», т.е. 1880—1887 гг.) А.П. Чехов создает 24 рассказа-перечня, в которых в призме иронического видения предстают разные стороны жизни. Интересно, что метапоэтическое осмысление текста повести «Степь», открывающего, по мнению исследователей, новый этап творчества писателя, также содержит метапоэтический термин «перечень»: «В общем получается не картина, а сухой, подробный **перечень впечатлений**, что-то вроде конспекта; вместо художественного, цельного изображения степи я преподношу читателю “степную энциклопедию”. Первый блин комом. Но я не робею. И энциклопедия, авось, сгодится. Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми и как еще не тесно русскому художнику» (Д.В. Григоровичу, 12 января 1888 г.). Текст осмысливается не только через по-

нятие «перечень», но и как *конспект, энциклопедия*. Определение жанровой принадлежности текста повести «Степь» как *энциклопедии* наблюдается еще в одном метапоэтическом комментарии: «Моя “Степь” похожа не на повесть, а на **степную энциклопедию**» (А.Н. Плещееву, 3 февраля 1888 г.). Метапоэтические комментарии, в которых «сухой, подробный перечень впечатлений» осознается как «энциклопедия», позволяет рассматривать рассказы-перечни более раннего творческого периода также как некую энциклопедию.

В «Энциклопедии жизни» А.П. Чехова можно определить следующие семантические области:

Анатомия («Краткая анатомия человека»).

Зоология («Рыбье дело. Густой трактат по жидкому вопросу»).

Культурология («Домашние средства», «Масленичные правила дисциплины», «Прощение», «Список экспонентов, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме»).

Литературоведение («Литературная табель о рангах», «Правила для начинающих авторов. Юбилейный подарок — вместо почтового ящика», «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?»).

Математика («Задачи сумасшедшего математика», «Каникулярные работы институтки Наденьки N»).

Обществознание («К свадебному сезону. Из записной книжки комиссионера», «Женщина с точки зрения пьяницы», «Мои чины и титулы», «О женщинах», «Обер-верхи», «Список лиц, имеющих право на бесплатный проезд по русским железным дорогам», «Юристка»).

Психология («Темпераменты (по последним выводам науки)»).

Театр («Состояние московского театрального рынка»).

Философия («Философские определения жизни»).

Этнология («К характеристике народов. Из записок одного наивного члена русского географического общества»).

Языкознание («Каникулярные работы институтки Наденьки N», «О Марте. Об Апреле. О Мае. Об Июне и Июле. Об Августе. Филологические заметки», «Словотолкователь для “барышень”», «3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка»).

Круг вопросов «Энциклопедии жизни» в определенной степени отражает круг интересов А.П. Чехова, а также круг вопросов, которые очерчены в его творчестве. И если учесть, что «Энциклопедия жизни» отражает лишь фрагмент чеховского кругозора, то и это существенно для обоснования энциклопедизма автора.

Все списки типологически могут быть отнесены к одной структуре. Причем эта структура ближе к определению *словаря* (в терминах У. Эко). Тексты оформлены по модели толкования определенного слова (понятия). Выделяется четыре типа структуры.

I. Толкование слова, содержащегося в заглавии, например:

«Список **экспонентов**, удостоенных чугунных медалей по русскому отделу на выставке в Амстердаме

1) Нижегородская ярмарочная комиссия и томская публика — за анонимные письма.

2) Полковник Грачев в Симферополе — за бесподобное направление и сочинительство.

3) Город Москва — за купца Кукина.

4) Уездный помпадур Шлитер в Оренбурге — за приготовление и учет фальшивых векселей <...>».

II. Толкование слова, вынесенного в инициальную часть структурного элемента, например:

<...>d) Окунь. Красивая рыбка с достаточно острыми зубами. Хищен. Самцы состоят антрепренерами, а самки дают концерты.

е) Ерш. Бойкий и шустрый индивидуум, вообразивший, что он защищен от щук и голавлей «льготами», данными ему природой, но, тем не менее, преисправно попадающий в уху.<...>

III. Толкование-«цитата», например:

<...> б) *Примеры на «Согласование слов».*

1) «В великий пост священники и дьяконы не хотят венчать новобрачных».

2) «Мужики живут на даче зиму и лето, бьют лошадей, но ужасно не чисты, потому что закапаны дегтем и не нанимают горничных и швейцаров».

3) «Родители выдают девиц замуж за военных, которые имеют состояние и свой дом». <...>

IV. Табель как определенное структурированное знание (текст «Литературная табель о рангах»).

Отличительная черта «Энциклопедии жизни» — построение, которое характерно для дискурсивного пространства, которое объединяет разножанровые типы текстов.

Т. ван Дейк отмечает, что «дискурс — это понятие, касающееся *речи*, актуального речевого действия, тогда как «текст» — это понятие, касающееся системы *языка* или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [Дейк, 1998]. Дискурс есть **коммуникативное событие**, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие.

Особенностью текстов, составляющих «Энциклопедию жизни», является полисубъектность высказываний. Если автор текста или энциклопедии (энциклопедической статьи) ограничен одним или определенным

числом (часто не более пяти в одной статье) участников-энциклопедистов, то в «Энциклопедии жизни» А.П. Чехова в «формировании» одного определения могут принимать участие несколько «говорящих». Вернее будет назвать это *мнениями*. «Энциклопедия жизни», при ближайшем рассмотрении, оказывается «густонаселенной».

Обратимся к толкованию понятия «голова».

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечается следующее энциклопедическое содержание:

«Голова, 1) *анат. челов.*, включает в себе головной мозг, органы зрения, вкуса, обоняния и слуха и жевательный аппарат. Границей между черепной и лицевой частью служит линия, которую проводят над бровями. В первой различают лобную, теменную, затылочную, височную и сосцевидную (позади уха) области, во второй — области век, бровей, носа, щек и др. — 2) *Антропол.* Величина и форма головы изменяется с возрастом, полом, ростом, расой. У новорожденных голова составляет 1/4 роста, но затем увеличение ее идет медленнее, чем других частей; у взрослого она составляет только 1/5 роста. По относительной длине и ширине голова разделяются на длинноголовые (долихоцефалы), короткоголовые (брахицефалы) и среднеголовые (мезоцефалы). К длинноголовым относятся те субъекты, у которых отношение наибольшего поперечного диаметра к наибольшему продольному (принятому за 100) не превышает 75; к короткоголовым, у которых такое отношение = 80 и более» [ЭСБЕ].

В тексте «Краткая анатомия человека» понятие «голова» определяется следующими «мнениями»:

«Голова имеется у всякого, но не всякому нужна. **По мнению одних**, дана для того, чтобы думать, **по мнению других** — для того, чтобы носить шляпу. Второе мнение не так рискованно... **Иногда** содержит в себе мозговое вещество. Один **околоточный надзиратель**, присутствуя однажды на вскрытии скоропостижно умершего, увидел мозг. «Это что такое?» — спросил он доктора. — «Это то, чем думают», — **отвечал доктор**. Околоточный презрительно усмехнулся...»

В одном определении содержится **пять** различных мнений по одному вопросу. Причем даже в этом небольшом пространстве определяется иерархия:

- обобщенное мнение — *по мнению одних, по мнению других*;
- нераспространенное мнение — *иногда*;
- Частное мнение — *околоточный надзиратель*;
- Профессиональное мнение — *доктор*.

Иерархичность отражает и значимость подаваемого материала: профессиональное мнение, на котором основывается любая солидная энциклопедия, представлено в финале толкования и снижено за счет реакции надзирателя, переданной через глагол *усмехнулся*. Снижению значимо-

сти общего (первого) мнения также способствует замечание *менее рискованно*.

Пример толкования понятия *голова* типичен для большинства текстов «Энциклопедии жизни» А.П. Чехова. При этом сами толкования не вступают в противоречие с лингвистическими законами, так как «знак может быть легко использован с разной степенью полноты представления связанной с ним структуры знания, и в этом смысле выполнять разные когнитивные функции в дискурсе» [Кубрякова, с. 370].

Многоплановость и полярность мнений, выдвижение на передний план идей не профессиональной, а обыденной сферы создают феномен чеховского литературного пространства, который отмечал К.И. Чуковский. «Если бы из всех этих мелких рассказов, из многотомного собрания его сочинений вдруг каким-нибудь чудом на московскую улицу хлынули все люди, изображенные там, все эти полицейские, акушерки, актеры, щики, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, архиереи, циркачки (или, как их тогда называли, циркисты), чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне северных и южных губерний, генералы, банщики, инженеры, конокрады, монастырские служки, купцы, певчие, солдаты, свахи, фортепьянные настройщики, пожарные, судебные следователи, дьяконы, профессора, пастухи, адвокаты, произошла бы ужасная свалка, ибо столь густого многолюдства не могла бы вместить и самая широкая площадь. Другие книги, — например, Гончарова — рядом с чеховскими кажутся буквально пустынями, так мало обитателей приходится в них на каждую сотню страниц» [Чуковский, с. 7]. К ряду «выразителей мнений», представленном К.И. Чуковским, стоит добавить также шук, карасей, окуней и прочих, которые «диктуют» свои мнения в «Энциклопедии жизни».

Таким образом, отличительной особенностью дискурсивного характера метапоэтики, выраженной в «Энциклопедии жизни», является центральная роль высказывания, представляющего не осмысленный опыт человечества, а бытийный опыт одного из участников коммуникации. При этом взаимоотношения между людьми определяются не столько «предметной» (субстанциональной) сущностью говорящего, сколько его «событийным» аспектом — натурой, характером, качествами, словами, манерами, поведением, поступками, помыслами, образом мыслей, взглядами, занятиями, вкусами, положением в обществе и пр. Поэтому, «вынося суждение об отношениях между событиями, человек часто переключает их в личностный план, указывая на взаимодействие людей, создающих события» [Арутюнова, с. 149].

Текст «Энциклопедии жизни» обладает (благодаря частотной и порою резкой смене мнений) особой перспективой. «Одни и те же события могут по очереди описываться с точки зрения одного рассказчика, который

в свою очередь может либо быть посторонним наблюдателем, либо участником событий» [Дейк, 2001, с. 164].

Маркерами перемены перспектив выступают метадискурсивные элементы. Это, по определению В.А. Шаймиева, метадискурсивные высказывания мнения автора. Для данного типа метадискурсивных высказываний характерны глагольные предикаты типа *думать, полагать, предполагать, считать*; они «экспонируют мнение автора, вербализуя и квалифицируя излагаемую информацию именно как мнение автора. Метадискурсивные компоненты текста экспонируют ситуативный контекст творения текста, интерпретируя при этом эпистемическое состояние автора именно как элемент прагматико-дискурсивного контекста» [Шаймиев, с. 44].

Анализ и определение метадискурсивных элементов ставит вопрос об авторстве, важный и для литературного творчества, и, особенно, для анализа метапоэтических данных. Определение цели включения в художественное повествование многоплановых, полярных мнений предполагает решение задачи рассмотрения функционирования различных мнений и включенности в эпистемологическое пространство идеи формирования полипластовости мнений в тексте.

Как отмечал Т. ван Дейк, «идеология и культура (макросоциальные феномены) как коллективные репрезентации действительности воспроизводятся в дискурсе (на микросоциальном уровне)» [Дейк, 1998]. В отличие от большинства социальных практик и семиотических кодов (визуальные образы, знаки, фото, невербальные всякие вещи и т.д., делают это не напрямую, и смысл, заключенный в них, не до конца определен, неоднозначен) свойства текста и речи позволяют нам формулировать и выражать абстрактные идеологические верования самым непосредственным образом. В то же время члены социальных групп в процессе коммуникации напоминают новичкам в своих группах и членам других групп об идеологиях своих групп и защищают их. Идеологическая социализация, таким образом, осуществляется в дискурсе [Дейк, 1998].

Таким образом, необходимо обратиться от текста к эпистемологической ситуации, в которую он был создан — сравнить идеи, выраженные в художественном пространстве, с идеями пространства бытийного.

Тексты, составившие «Энциклопедию жизни», написаны в конце XIX в. С одной стороны, важнейшим становится лексикографическое системное осмысление реальности. В это время создаются крупнейшие научные энциклопедии, ведутся работы над академическими словарями русского и древнерусского языков. В то же время развиваются идеи языка как «духа народа», разрабатываются идеи не только художественного и высококультурного употребления языка, но и осмысляется повседневное общение. Несомненно, обращение к «живому великорусскому языку» В.И. Далем изменяет отношение к говорам, нестандартной речи.

Формируется интерес к наивной картине мира, когда у исследователя наблюдается попытка увидеть «определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку. Это особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присущих другим языкам. При реконструкции таких фрагментов (наивной этики, наивной анатомии, наивной психологии, наивной теологии, наивной физики пространства и времени и т.п.) используются только языковые данные» [Апресян, с. IX].

Эпистемологическая ситуация отразилась в чеховском тексте. В его инициальной части — ранних рассказах — формируется «Энциклопедия жизни», а текст и контекст, как известно, «составляют неразрывное единство, регулируемое прежде всего гносеологией мышления, реализующего в смысловом наполнении текста систему языка в формальных и семантических связях его составляющих единиц... Построение текста находится в прямой зависимости от смыслового содержания любого масштаба и довольно жесткой системы непрерывного контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы, другими словами, в рамках которой развивается дискурс» [Колшанский, с. 65].

То, что первые тексты А.П. Чехова построены по модели энциклопедических перечней, содержат многоплановость мнений, доходящую до парадоксов и абсурда, определяется «закономерностью в построении текста во всем его объеме, с одной стороны, зависят от интенции и ресурсов автора... а с другой — они предопределены, естественно, объективными нормами, действующими как на уровне сознания, так и на уровне языка. Всевозможные виды текстов — от примитивно-бытовых до классических художественных — свидетельствуют как о специфике мышления и позиции автора, так и о субъективных потенциях в использовании необъятных ресурсов языка» [Колшанский, с. 65 — 66].

В то же время отражение множества мнений — это и отражение знания жизни самим А.П. Чеховым. «Без этой его феноменальной общительности, без этой постоянной охоты якшаться с любым человеком, без этого жгучего его интереса к биографиям, нравам, разговорам, профессиям сотен и тысяч людей, он, конечно, никогда не создал бы той грандиозной энциклопедии русского быта восьмидесятых и девяностых годов, которая называется мелкими рассказами Чехова» [Чуковский, с. 7]. В своем определении энциклопедичности А.П. Чехова К.И. Чуковский предвосхитил изыскания по вопросу текстов-энциклопедий У. Эко. Однако в художественном тексте А.П. Чехова обнаруживается структурно-типологически близкая к энциклопедии форма. Содержательно это энциклопедия, составленная из мнений окружающих А.П. Чехова обывателей, порою обобщенных до «общего мнения», благодаря чему формируются «голова жизни». А. Бадью отмечает: «Если задача философии — определять в понятии то, что противостоит общему мнению, — верно, что мнение все

равно возвращается, поскольку существуют философские мнения. Их узнают по тому признаку, что они собираются в различные блоки, ставшие ссылками и этикетками, открытые почти для любой идеологической операции, по тому, что они поднимают шум, сталкиваясь друг с другом (здесь-то и отличаются посредственностью) лишь для того, чтобы всем вместе подойти, под вывеской “обсуждение”, к своего рода нечистоплотному консенсусу» [Бадью, с. 96].

Это суждение может быть отнесено к «Энциклопедии жизни» А.П. Чехова, которая сконструирована по принципу столкновения мнений, создающих многоголосицу. Но в структуре «Энциклопедии жизни» есть один текст, чья структура противостоит остальным. Это «Литературная табель о рангах».

Текст открывается вступлением: «Если всех живых русских литераторов, соответственно их талантам и заслугам, произвести в чины, то», – в котором условное придаточное формирует гипотетичность представляемого ниже текста. Таким образом, перед нами опять обобщенное мнение. Но именно в этом тексте наиболее четко просматривается мнение самого А.П. Чехова, так как обобщенное мнение выражается сквозь призму взглядов профессионального литератора. И таким образом увеличивается метапоэтический потенциал «Энциклопедии жизни»: начатая в «первом произведении», содержащем непосредственную рефлексивную над литературным творчеством, она максимально выражает мнение автора-создателя в тексте, опять же обладающем мощной метапоэтической рефлексией над литературным процессом. И именно посредством данного текста мнение А.П. Чехова включается в общий хор, в «шум бытия».

Стоит отметить, что дискурсивность «голосов жизни» преодолевает «Энциклопедию жизни». В Календаре «Будильника», в объявлениях, телеграммах и прочих пародийных текстах присутствует многообразие мнений, формирующее расширенное дискурсивное поле. «Вершиной» дискурсивного пространства мнений является текст «Жизнь в вопросах и восклицаниях». В нем отсутствуют авторские ремарки, нет метадискурсивных слов – это сплошной набор высказываний о жизни, художественный прием формирования жизненного мира.

Эта категория – *жизненный мир*, – предлагаемая в феноменологических трудах Э. Гуссерля, и лежит в основании художественной концепции метапоэтики раннего творчества А.П. Чехова. Мир не является предметным образованием. Поскольку сознание интенционально в принципе, постольку сознание уже предметно, а желания, представления, мышление в целом, – уже содержательны. «Шум бытия» – это художественное осмысление А.П. Чеховым реального мира.

Многоплановость мнений – отличительная черта метапоэтики А.П. Чехова и его художественного мира, которая в дальнейшем будет развиваться на пути поиска выражения в безмолвном.

Сопряжение нескольких, разнонаправленных мнений в пространстве художественного текста выдвигает на передний план диалогическую структуру, при которой авторский текст, а следовательно, авторское мнение смещается в фоновую позицию.

«Энциклопедия жизни» является значимым фрагментом метапоэтического дискурса. В ее структуре представлены тексты, в которых через ироническое видение, по апофатическому пути выражена авторская рефлексия над вопросами литературного творчества («Литературная табель о рангах», «Каникулярные работы институтки Наденьки N», «Правила для начинающих авторов. Юбилейный подарок — вместо почтового ящика», «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?»); театра («Состояние московского театрального рынка»); языка («Каникулярные работы институтки Наденьки N», «О Марте. Об Апреле. О Мае. Об Июне и Июле. Об Августе. Филологические заметки», «Словотолкователь для “барышень”», «3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка»).

Так, в тексте «3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка» содержится, с одной стороны, рефлексия над лексикографической деятельностью, а с другой — представлен процесс поиска иронического, абсурдного содержания в обыденной лексике.

Толкование слова строится по определению связей значения с экстралингвистическими фактами, например:

«Адмиральский час. Час, названный так в честь вице-адмиралов и контр-адмиралов.

Каналья. Бранное слово, употребляемое иногда в ласкательном смысле либеральными квартальными надзирателями.

Субъект. Ругательное слово.

Тра-ля-ля. Мужские панталоны на языке дачниц.

Словник представляет своеобразный набор ложной, «поверхностной» этимологии: *«Куроцан* (от латинских слов: «сиго» — забочусь и «сарог» — лакомый кусок). Блюститель, заботящийся о куске обывателя».

«Энциклопедия жизни» как своеобразное преломление жизненного мира, как особый художественный и философский подход к осмыслению бытия формирует особое художественное пространство, в котором перед читателями разыгрывается «спор, столкновение» мнений. Составленная из ранних текстов «Энциклопедия жизни» представляет сущностную особенность художественного мышления А.П. Чехова — театрализацию реальности в художественном тексте. Психологические основы театрализации соотносятся с критичностью мышления художника: «вечно недовольные действительностью, мы *обращаем* наше желание будущего изменения ее в некий факт настоящего, эфемерный, но “убедительный”, как создание сна. Это *обращение* и есть театрализация — законная реак-

ция критикующего духа на неприемлемый им «мир сам по себе» [Боровик].

Таким образом, «Энциклопедия жизни», построенная на выражении, соотношении мнений, выраженных в многоголосии, представляет первую попытку театрализации реальности, которая в художественном пространстве драматургического текста будет реализована в приеме «театр в театре» в пьесе «Чайка», представляющем наивысшее абстрагирование и расслоение драматического текста. Прием многоголосия, приводящий только к «высказыванию» собственного мнения, но необязательно к «принятию» чужого мнения, лежащий в основе чеховской театрализации, станет одним из основных приемов построения диалога в драматургическом тексте.

Литература

Апресян Ю.Д. Предисловие // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд. М., 2003.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М., 2002.

Бадью А. Делез: «Шум бытия». М., 2003.

Боровик О. Планы бытия. URL: // <http://borovik.spb.ru>

Громов М.П. [Примечания] // *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т: Соч.: в 18 т. Т. 1. М., 1974.

Дейк Т.А., ван. К определению дискурса [*Dijk, T., van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, 1998] / пер. с англ. А. Дерябина URL: // www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm

Дейк Т.А., ван. Вопросы прагматики текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М., 2001.

Колишанский Г.В. Контекстная семантика. М., 2005.

Кубрякова Е.С. О реализации значений слова в дискурсе // Язык и действительность. М., 2007.

Чуковский К.И. О Чехове. Человек и мастер. М., 1971.

Шаймиев В.А. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений). СПб., 1999.

Штайн К.Э. К вопросу о семиологии первого произведения // Первое произведение как семиологический факт: Сб. ст. науч-метод. семинара «Textus». Вып. 2. СПб; Ставрополь, 1997.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2005.

Энциклопедический словарь издательства Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (ЭСБЕ): В 86 т. СПб., 1890–1907.